

Императорское Русское
Техническое Общество
Спб., 9 февраля 1883.

ОБЕЗПЕЧЕНИЕ

АГ 1197 623.3

К301

ЗА ИЗОБРЕТATEЛЕМЪ

ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОГО ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ

НА

СДѢЛАННОЕ ИМЪ ИЗОБРЕТЕНІЕ

ПРЕДСТАВЛЯЕТСЯ ЛИ СПРАВЕДЛИВЫМЪ И ПОЛЕЗНЫМЪ?

42367 ✓

ПРОВЕРЕНО

T

571128

ДОКЛАДЪ Ф. КАУПЕ,

читанный въ учрежденной при Императорскомъ Русскомъ Техническомъ Обществѣ Коммисіи для разсмотрѣнія вопроса объ измѣненіи существующихъ въ Россіи законоположеніяхъ о привилегіяхъ на изобрѣтенія.

559 ✓

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія брат. Лантелеевыхъ. Казанская ул., д. № 33.

1

1882.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 21 Августа 1882 года.

М. г.! Въ предшествовавшемъ засѣданіи, уважаемый предсѣдатель нашъ совершенно справедливо приглашалъ насъ не вдаваться въ излишнія теоретическія разсужденія, а встать на почву фактовъ, на почву исключительно практическую, чѣмъ значительно упростится рѣшеніе предстоящей намъ задачи: выработки новаго законопроекта о привилегіяхъ на изобрѣтенія.

Дѣйствительно, если бы мы захотѣли заняться разсмотрѣніемъ вопроса о сущности права изобрѣтателя, то мы этимъ увлеклись бы слишкомъ далеко отъ прямой нашей цѣли и безплодно потеряли бы много дорогого времени. Объ этомъ доктринальномъ вопросѣ, поселившемъ раздоръ между лучшими умами, не приведя, между тѣмъ, къ взаимному соглашенію, было уже много споровъ, и споръ этотъ можно бы было продолжать еще долго.

Вопросъ о сущности права изобрѣтателя составлялъ также предметъ бурныхъ преній на Вѣнскомъ международномъ конгресѣ, 1873 года, по вопросу о привилегіяхъ на изобрѣтенія, но окончательно рѣшенъ не былъ; конгресъ удовольствовался признаніемъ справедливости оказыванія изобрѣтателямъ покровительства. Въ 1877 году германское правительство внесло въ рейхстагъ новый законопроектъ о привилегіяхъ, который и былъ, съ нѣкоторыми измѣненіями, принятъ. Въ представленномъ рейхстагу донесеніи вопросъ о сущности права изобрѣтателя былъ намѣренно обойденъ, какъ не представляющій практическаго интереса. Наконецъ, на Парижскомъ конгресѣ о промышленной собственности, имѣвшемъ мѣсто въ 1878 году, на которомъ вопросъ о сущности права

изобрѣтателя былъ поставленъ первымъ въ числѣ общихъ вопросовъ, была, по всестороннему обсужденіи его, единогласно принята резолюція слѣдующаго содержанія:

„Право изобрѣтателей и авторовъ промышленныхъ продуктовъ на ихъ произведенія, а также фабрикантовъ и купцовъ на ихъ клейма, есть право собственности; гражданскій законъ не создаетъ этого права: онъ только регламентируетъ его“.

Мнѣ кажется, что мы можемъ спокойно примкнуть къ этой резолюціи, т. е. сдѣлать ее и нашей, и перейти прямо къ обсужденію перваго вопросаго пункта программы: *Представляется ли обезпеченіе за изобрѣтателемъ исключительнаго права собственности на сдѣланное имъ изобрѣтеніе справедливымъ и полезнымъ?*

Вопросъ о справедливости и полезности обезпеченія за изобрѣтателемъ исключительнаго права собственности на сдѣланное имъ изобрѣтеніе равнозначущъ съ вопросомъ о цѣлесообразности охраненія или огражденія изобрѣтеній.

Изслѣдованіе этого вопроса требуетъ, по необходимости, выясненія понятія о сущности изобрѣтенія, о правахъ его на законное огражденіе, а также о полезности такого огражденія для общественнаго благосостоянія.

Громадные успѣхи во всѣхъ областяхъ точныхъ наукъ подѣйствовали такъ плодотворно на промышленность, что нынѣ никакая отрасль промышленности не можетъ быть даже мыслима безъ нихъ. Красильное производство, фотографія и телеграфія, электрическое освѣщеніе, горное дѣло, обработка дерева и металловъ, короче — всѣ отрасли промышленности оказались усердными и переимчивыми учениками точныхъ наукъ и обязаны имъ своимъ высокимъ развитіемъ. Сознаніе значенія точныхъ наукъ для промышленности сдѣлалось такимъ всеобщимъ, что только въ этомъ одномъ обстоятельствѣ слѣдуетъ искать объясненія того стремленія къ научному образованію, которое неустанно требуетъ устройства училищъ, библиотекъ и обществъ для распространенія знаній.

Такое серьезное стремленіе привело въ тому, что почти послѣ cadaго открытія ученаго появлялось изобрѣтеніе тех-

ника, и эта связь между открытіемъ и изобрѣтеніемъ привела многихъ къ убѣжденію, что изобрѣтеніе есть несомнѣнное и неизбѣжное слѣдствіе открытія. Для изслѣдованія вѣрности этого взгляда необходимо ближе познакомиться съ понятіемъ и цѣлью открытія и изобрѣтенія.

Понятіе объ открытіи неминуемо даетъ представленіе о нахожденіи того, что прежде было неизвѣстно, т. е. объ увеличеніи познанія. Открывать можно планеты, новыя страны, животныхъ, растенія, минералы, соединенія веществъ, законы извѣстныхъ явленій, математическія теоремы. Открытіе можетъ быть ненамѣреннымъ, случайнымъ; въ этомъ случаѣ требуется только, чтобы открыватель обладалъ достаточнымъ научнымъ образованіемъ и наблюдательною способностью для того, чтобы дойти до открытія. Противуположность случайному открытію составляетъ сознательное изслѣдованіе, которое, при соблюденіи извѣстныхъ условій, должно привести къ опредѣленной цѣли. Если работа изслѣдователя обладаетъ всѣми условіями достовѣрности, то она имѣетъ несомнѣнное значеніе для науки, все равно: будетъ ли достигнутое открытіе положительнаго или отрицательнаго свойства. Будетъ ли открытіе результатомъ сознательнаго изслѣдованія или случайное, во всякомъ случаѣ оно представляетъ умноженіе нашего знанія, и является познаніемъ того, что было прежде неизвѣстнымъ или только предполагалось. Поэтому, дѣятельность открывателя состоитъ не въ созданіи того, что должно быть открыто, но лишь въ созданіи или комбинированіи тѣхъ средствъ, помощью которыхъ можно придти къ открытію; когда же открытіе сдѣлано, то только ему одному придается значеніе—какъ новому вкладу въ познанія; средства же, послужившія для такого открытія, имѣютъ лишь второстепенное значеніе.

Вслѣдствіе вышеизложеннаго, понятіе объ открытіи характеризуется самимъ словомъ: открытіе состоитъ въ открываніи объекта существующаго, но до сихъ поръ бывшаго сокрытымъ, неизвѣстнымъ, незамѣченнымъ.

Изобрѣтеніе, напротивъ того, всегда состоитъ въ созданіи объекта несуществующаго. Изобрѣсти значитъ то же самое, что выдумать, измыслить, создать, и изъ этого слѣ-

дуетъ, что изобрѣтеніе никогда не можетъ быть сдѣлано случайно.

Дѣятельность изобрѣтателя на промышленномъ поприщѣ двоякая: сначала онъ долженъ составить себѣ понятіе или идею объ изобрѣтаемомъ объектѣ, а затѣмъ дать этому понятію или идеѣ реальное осуществленіе.

При опредѣленіи основаній охраны изобрѣтеній объ эти дѣятельности должны быть строго отдѣлены одна отъ другой.

Каждая изъ этихъ дѣятельностей основана на соответственномъ сочетаніи извѣстныхъ познаній, которыя, какъ и всякія познанія, являются результатомъ научнаго изслѣдованія, т. е. открытія. Въ этомъ и заключается, часто весьма преувеличенное, единственное отношеніе изобрѣтенія къ открытію, отношеніе, въ которое поставлены почти всѣ открытія ко всѣмъ предъидущимъ открытіямъ.

Разницу между открытіемъ и изобрѣтеніемъ можно пояснить еще болѣе нѣкоторыми примѣрами.

Послѣ того какъ была открыта способность водорода образовывать, въ нѣкоторыхъ соединеніяхъ съ углеродомъ, горящій свѣтящимся пламенемъ газъ, появилось соответствующее этому открытію изобрѣтеніе, касающееся освѣщенія углеводороднымъ газомъ и способовъ приведенія въ исполненіе этой идеи. Первая часть этого изобрѣтенія, т. е. понятіе или идея о газовомъ освѣщеніи, есть непосредственное слѣдствіе открытія свѣтильнаго газа, и кромѣ знанія этого открытія требуетъ отъ изобрѣтателя лишь сознанія потребности въ такомъ освѣщеніи. Это имѣетъ мѣсто относительно всѣхъ изобрѣтеній безъ исключенія; мысль о примѣненіи красокъ, добываемыхъ изъ каменноугольнаго дегтя, возникла вслѣдствіе открытія этихъ красокъ.

Всякое изобрѣтеніе, какъ понятіе, съ точки зрѣнія его основной идеи, сначала требуетъ только знанія относящихся къ нему открытій, и сознанія потребности въ немъ.

Разсматривая вторую часть изобрѣтательской дѣятельности, а именно приведеніе въ исполненіе его мысли, мы видимъ, что именно въ этомъ и состоитъ главная задача изобрѣтателя и все значеніе изобрѣтенія для промышленности. Значеніе идеи дается открывающимъ ее; примѣнимость же

ея, значеніе ея для промышленныхъ цѣлей, обуславливается исключительно вытекающимъ изъ нея изобрѣтеніемъ. Открытіе можетъ имѣть громадное научное значеніе, въ то время какъ вытекающее изъ него изобрѣтеніе будетъ ничтожнымъ, если нѣтъ достаточныхъ средствъ для приведенія его въ исполненіе, или если въ такомъ изобрѣтеніи нѣтъ потребности. Открытіе способности алмаза горѣть имѣло весьма обширное значеніе, сразу объяснивъ строеніе этого драгоценнаго камня, но алмазное отопленіе или алмазное освѣщеніе до тѣхъ поръ не будетъ имѣть никакого значенія, пока не удастся дешево воспроизводить алмазы, сравнительно съ тѣми выгодами, которыя представляютъ въ этомъ отношеніи другіе матеріалы для отопленія и освѣщенія.

Но возвратимся къ нашему первому примѣру, къ газовому освѣщенію. Изъ исторіи этой отрасли промышленности мы узнаемъ, что осуществленіе идеи потребовало въ высшей степени сложнаго аппарата и цѣлаго ряда отдѣльныхъ изобрѣтеній самаго разнообразнаго свойства, и только благодаря суммѣ всѣхъ этихъ изобрѣтеній, сдѣланныхъ въ теченіе болѣе полустолѣтія, было достигнуто современное совершенство газоваго освѣщенія. Дѣло касалось приготовленія газа, его очищенія, сохраненія, регулированія давленія, проведенія, измѣренія и, наконецъ, приборовъ, служащихъ для сжиганія и освѣщенія, однимъ словомъ, цѣлаго ряда производствъ и приспособленій, изложеніе которыхъ посредствомъ описанія и чертежей наполняетъ весьма толстый, печатный томъ большого формата.

Основная мысль, безъ сомнѣнія, была доставлена открытіемъ ученаго, но больше ничего! Сторонники извѣстныхъ воззрѣній, конечно, полагаютъ, что производство газа основано на открытіи нѣкоторыхъ соединеній и разложеній, а очищеніе его—на открытіи нѣкоторыхъ реакцій различныхъ тѣлъ, и что всѣ механическія приспособленія составляютъ неболѣе какъ группированіе и измѣненіе размѣровъ и формъ давно извѣстныхъ частей. Если такого рода мнѣніе высказывается какъ дополнительное научное объясненіе изобрѣтенія, то оно еще имѣетъ долю смысла; если же ему придается оттънокъ умаленія изобрѣтательской дѣятельности, въ сравненіи съ ра-

ботою открывателя, то оно просто не логично. Всякому изобрѣтенію и примѣненію, какъ выше было указано, по необходимости должно предшествовать открытіе, т. е. познаніе; всякая форма подлежитъ геометрическому опредѣленію, всякое соединеніе тѣлъ должно удовлетворять химическимъ или механическимъ законамъ, знаніе которыхъ необходимо для возстановленія соединенія; измѣненіе же размѣровъ и цѣлесообразная комбинація частей составляютъ весьма часто такую задачу, что выполненіе ея можетъ быть достигнуто лишь послѣ многолѣтнихъ, усиленныхъ трудовъ.

Противники охраны изобрѣтеній, приводящіе вышеупомянутое возраженіе для уменьшенія значенія изобрѣтательской дѣятельности, идутъ далѣе и полагаютъ, что всякое изобрѣтеніе само собою вытекаетъ изъ общей суммы познаній, и что всякая потребность тотчасъ же можетъ быть удовлетворена; гдѣ же этого не случилось, то значитъ, что научное изслѣдованіе и открытіе еще не подвинулось на столько впередъ. Нелѣпость такого сужденія ясно вытекаетъ изъ всѣхъ изобрѣтеній, сдѣланныхъ въ области прикладной механики, которая почти исключительно основана на открытіяхъ, извѣстныхъ еще въ древности. Это на столько вѣрно, что всякій, при изученіи исторіи цивилизаціи, неоднократно задаетъ себѣ вопросъ: отчего же въ древности и въ средніе вѣка подобнаго рода изобрѣтенія дѣлались такъ медленно? Ежедневно мы встрѣчаемъ все новыя и новыя подтвержденія той опытомъ дознанной истины, что именно въ этой области изобрѣтателю приходится бороться съ наибольшими затрудненіями. Механическія изобрѣтенія еще далеко не закончены, и тѣ лица, которыя во всякой новой машинѣ видятъ только измѣненіе формы и размѣровъ давно извѣстныхъ частей, оказали бы неоцѣнимую заслугу, если бы разрѣшили открытый вопросъ о машиностроеніи. Неужели они не знаютъ, что соединеніе и измѣненіе формы и размѣровъ извѣстныхъ частей, помимо весьма трудно пріобрѣтаемаго изученія ихъ, очень часто требуютъ необычайныхъ критическихъ и комбинаторскихъ способностей, а также весьма живого дара воображенія? Неужели имъ неизвѣстно, что нерѣдко наибольшія затрудненія представляютъ: вѣр-

ная оцѣнка потребности, выборъ матеріала и коммерческія соображенія?

По мнѣнію противниковъ охраны изобрѣтеній, привилегія уже потому не можетъ быть выдаваема, что всякій самъ въ состояніи сдѣлать изобрѣтеніе, если онъ поставленъ въ такія условія, что долженъ имъ пользоваться; другими словами, что изобрѣтать такъ легко, что всякій человѣкъ, обладающій достаточными знаніями, можетъ сдѣлать всякое изобрѣтеніе, возможное при извѣстномъ состояніи науки, и непременно его сдѣлаетъ, если въ немъ есть надобность. Какъ ни невѣроятно кажется такое сужденіе, но оно существуетъ и ежедневно повторяется въ извѣстныхъ кружкахъ. Такого положенія никто, однако, еще фактически не доказалъ.

Совершенно напрасно спорить о тѣхъ трудностяхъ, которыя должна преодолѣвать дѣятельность изобрѣтателя, такъ какъ заслуга его обуславливается исключительно достоинствомъ и полезностью изобрѣтенія. Большинство противниковъ охраны изобрѣтеній отлично это понимаютъ, но они нарочно весьма обстоятельно оспариваютъ трудность изобрѣтенія для того, чтобы заставить общество вѣрить, что и безъ охраны изобрѣтенія могутъ и будутъ расти изъ земли какъ грибы и что не представляется никакого нравственнаго основанія для охраненія изобрѣтеній. Они говорятъ, что самое существенное въ изобрѣтеніи это—идея, которая однако всегда дается открытіемъ,—что практическое примѣненіе идеи не представляетъ затрудненія, а слѣдовательно, общество обязано не тому, кто сдѣлалъ изобрѣтеніе, а тому, кто сдѣлалъ открытіе, а такъ какъ, по существу своему, открытіе (научное) не можетъ быть привилегируемо, то для охраны изобрѣтеній не представляется никакого законнаго основанія.

Идею изобрѣтенія всячески стараются превозносить для того, чтобы можно было тѣмъ болѣе умалить практическое ея примѣненіе, но при этомъ нарочно игнорируютъ или умалчиваютъ о томъ, что изобрѣтатель испрашиваетъ привилегію всегда на практическое примѣненіе идеи. Если дѣло идетъ о законодательномъ актѣ, то такая тактика очень опасна для изобрѣтателя, такъ какъ большинство, которое, въ концѣ концовъ, устанавливаетъ законъ, всегда одобритъ мнѣніе того,

кто освобождаетъ его отъ всякаго долга благодарности; въ тотъ моментъ большинство конечно не принимаетъ въ соображеніе того, что оно само можетъ быть весьма чувствительно задѣто своимъ же собственнымъ приговоромъ.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда простота идеи изобрѣтенія не можетъ быть оспариваема, а, напротивъ того, должна быть признана затруднительность и важность приведенія ея въ исполненіе, какъ, на примѣръ, при усовершенствованіяхъ въ паровыхъ машинахъ, въ швейныхъ машинахъ и т. п., противники охраны изобрѣтеній полагаютъ, что главная заслуга принадлежитъ первому изобрѣтателю (который обыкновенно ужь давно умеръ); если же нельзя не признать, что лишь послѣдующія усовершенствованія сдѣлали изобрѣтеніе пригоднымъ къ употребленію, то они полагаютъ, что эти усовершенствованія были такъ естественны и близки, что всякій, занимающійся этимъ предметомъ, по необходимости, долженъ былъ наткнуться на нихъ.

Многіе противники охраненія изобрѣтеній, отдающіе справедливость нѣкоторымъ изъ имѣющихся изобрѣтеній и потраченному на нихъ необычайному умственному труду, полагаютъ однако, что время великихъ изобрѣтеній миновало и что теперь дѣло идетъ только относительно усовершенствованій, которыя сами вытекаютъ изъ переданнаго отъ прошлаго времени богатаго запаса опытности и знанія, уже почти готовыми висятъ въ воздухѣ, и поэтому могутъ удовлетворять одиночнымъ, не особенно важнымъ требованіямъ.

Къ сожалѣнію, однако, приводящіе такіа доказательства не даютъ намъ точныхъ опредѣленій отличія „большихъ изобрѣтеній“ отъ „маленькихъ усовершенствованій“. Если обратить вниманіе на успѣхъ, то нельзя не остановиться на томъ обстоятельстве, что ни одинъ предметъ не вышелъ изъ рукъ перваго изобрѣтателя тотчасъ въ состояніи полнѣйшаго совершенства.

Паровая машина потребовала сотни лѣтъ, чтобы достигнуть своего теперешняго совершенства; величайшій усовершенствователь ее Джемсъ Уаттъ еще оспаривалъ, что она когда либо можетъ сдѣлаться тѣмъ, что она представляетъ въ настоящее время. Величайшія и плодотворнѣйшія для на-

шей культуры изобрѣтенія, какъ на примѣръ пароходство, локомотивы и желѣзныя дороги, телеграфы, телефоны фотографія, типографія, возникли изъ незначительныхъ начинаній, въ большинствѣ случаевъ осмѣянныхъ при ихъ появленіи, и только многочисленныя „маленькія усовершенствованія“ сообщили этимъ изобрѣтеніямъ ихъ цивилизующее значеніе; безъ этихъ усовершенствованій они и до нынѣ остались бы въ пренебреженіи какъ напрасныя и непонятныя стремленія.

Мы этимъ не хотимъ умалить заслуги перваго изобрѣтателя, но мы требуемъ, чтобы не менѣе была оцѣнена заслуга послѣдующаго изобрѣтателя-усовершенствователя. Болѣе того, если ужъ дѣло касается ступеней значенія, то во многихъ случаяхъ усовершенствователя слѣдуетъ ставить выше перваго изобрѣтателя, и не только ради его большаго успѣха, но ради его большаго духовнаго значенія. Весьма часто первый изобрѣтатель руководствуется неясными и ограниченными воззрѣніями; онъ работаетъ безъ цѣли и вообще не можетъ предвидѣть возможнаго значенія своего изобрѣтенія. Напротивъ того, усовершенствователь долженъ повторить работу своего предшественника, испытать ее и прибавить новое. Въ то время какъ первый изобрѣтатель работаетъ, можетъ быть, только вслѣдствіе прихоти, дѣятельность усовершенствователя всегда основана на знаніи и соображеніи, и направлена къ ясно опредѣленной цѣли.

Стремленіе противниковъ охраны изобрѣтеній превозносить первое изобрѣтеніе на счетъ позднѣйшихъ усовершенствованій, основано на томъ взглядѣ, что идея, въ сравненіи съ ея исполненіемъ, составляетъ болѣе существенную часть изобрѣтенія. Ошибочность такого взгляда выступаетъ особенно ясно при сравненіи такъ называемыхъ „большихъ изобрѣтеній“ съ „маленькими усовершенствованіями“. Польза электрическаго телеграфа заключается только въ той скорости, съ которою производится обмѣнъ мыслей, и изобрѣтеніе имѣло бы совершенно такое же значеніе, если бы, помощью другаго легко исполнимаго средства, такой обмѣнъ сдѣлался столь же удобнымъ; но такъ какъ до сихъ поръ не открыто другаго средства, которое было бы въ состояніи замѣнить въ этомъ отношеніи электрическій токъ, то идея примѣнить его

къ этой цѣли по необходимости представлялась сама собою, и оставалось лишь прискаты наиболѣе совершенный способъ ея примѣненія.

Легко понять, что водяные пути и воздухоплаваніе имѣли бы громадныя преимущества передъ желѣзными дорогами; дѣло касается только тѣхъ „маленькихъ усовершенствованій“, посредствомъ которыхъ эти средства сообщенія могли бы быть вездѣ установлены надежнымъ образомъ.

Было бы совершенно напраснымъ трудомъ устанавливать различіе между „большими изобрѣтеніями“ и „усовершенствованіями“; всякое усовершенствованіе, какъ бы незначительно оно ни было, является большимъ изобрѣтеніемъ, если, при его помощи, изобрѣтенный предметъ, который до этого усовершенствованія былъ совершенно бесполезенъ, дѣлается пригоднымъ для употребленія. Говоря объ усовершенствованіяхъ, которыя считаются несущественными, мы позволяемъ себѣ вспомнить слова Маколея, высказанныя имъ въ его „Исторіи Англіи“ при разсмотрѣннн постепеннаго развитія культуры:

„Всякой опытной наукѣ присуще стремленіе къ совершенствованію. Во всякомъ человѣкѣ есть желаніе улучшить свое положеніе. Часто этихъ двухъ принциповъ было достаточно для быстраго преуспѣванія цивилизаціи, даже и въ томъ случаѣ, когда этимъ принципамъ ставились преграды большими народными бѣдствіями или дурнымъ управленіемъ. Обыкновенныя несчастія и дурное управленіе не могутъ сдѣлать народъ несчастнымъ настолько, насколько его дѣлаетъ процвѣтающимъ постоянный прогрессъ физическихъ знаній и постоянное стремленіе каждаго человѣка къ улучшенію своего положенія“.

То, что говоритъ здѣсь Маколей въ самомъ обширномъ смыслѣ, имѣетъ мѣсто въ каждомъ конкретномъ случаѣ, и онъ самъ проводитъ эту мысль, въ другомъ мѣстѣ, говоря о промышленности и, вообще, о культурѣ, указывая на улучшенія при помощи незначительныхъ усовершенствованій.

Каждому человѣку, какъ дикарю, такъ и цивилизованному, свойственно стремленіе къ пріобрѣтенію собственности; тамъ, гдѣ не существуетъ власти, ограждающей правъ соб-

ственности, это стремление къ приобрѣтенію собственности должно отступить на задній планъ. Въ совершенно такомъ же положеніи находятся изобрѣтатели въ тѣхъ государствахъ, въ которыхъ или вовсе не существуетъ огражденія изобрѣтеній, или же это огражденіе слишкомъ недостаточно; изъ этого ясно, что при такихъ условіяхъ стремление къ изобрѣтательности или вовсе не проявляется, или лишь въ весьма слабой степени.

Безъ всякаго сомнѣнія, право изобрѣтателя на охраненіе его изобрѣтенія основывается на тѣхъ же принципахъ, какъ и всякое право собственности вообще. Способность и право приобрѣтать были бы совершенно безцѣльны, если бы приобрѣтающій былъ лишенъ права владѣнія; совершенно также способность и право изобрѣтать были бы бездѣйственны если бы не существовало охраны изобрѣтеній.

Въ извѣстной области изобрѣтательности, въ литературѣ, наукахъ и искусствахъ, такое право владѣнія признается безусловно и пользуется огражденіемъ во всѣхъ цивилизованныхъ государствахъ. Установленные по этому поводу законы вполне соотвѣтствуютъ указанному нами выше опредѣленію, характеризующему разницу между открытіемъ и изобрѣтеніемъ, такъ какъ они ограждаютъ только форму какъ цѣлое, оставляя притомъ свободнымъ пользованіе общею идеею, открытіемъ. Правда, что при этомъ охраненіе является, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, лишь призрачнымъ, напримѣръ при научныхъ работахъ, значеніе которыхъ заключается исключительно въ открытіи, а не въ формѣ; но такъ какъ научный исследователь, дѣлающій открытія, вовсе не интересуется формою своей работы и даже долженъ желать наибольшаго распространенія своего открытія и, кромѣ того, всегда можетъ заставить называть свое имя, то, въ дѣйствительности, изъ свободнаго пользованія открытіемъ нельзя еще вывести заключенія о неполнотѣ закона, т. е. о безправности открывателя.

Громадная разница между изобрѣтателемъ въ области промышленности и ученымъ или художникомъ заключается въ томъ, что первый работаетъ преимущественно ради матеріальнаго приобрѣтенія, между тѣмъ какъ послѣдніе трудятся

исключительно въ интересахъ науки или искусства и стремятся, главнымъ образомъ, къ личной признательности; за такую признательностью слѣдуетъ обыкновенно и необходимое матеріальное вознагражденіе. Въ то время, какъ матеріалы для выполненія научныхъ или художественныхъ работъ, въ большинствѣ случаевъ, могутъ быть пріобрѣтаемы даже бѣднѣйшими, и выполненіе этихъ работъ можетъ быть произведено самимъ ученымъ или художникомъ, безъ посторонней помощи, — требуются большія средства для добычи матеріала и рабочей силы при приведеніи въ исполненіе большинства изобрѣтеній.

Положеніе изобрѣтателя по отношенію къ ученому или художнику становится еще менѣе благопріятнымъ. Съ признаніемъ научныхъ или художественныхъ заслугъ, всегда связано признаніе личности ученаго или художника, т. е. достоинство художественнаго произведенія оцѣнивается не только само по себѣ, но и по имени художника, а въ лицѣ ученаго вознаграждается не только то, что онъ уже сдѣлалъ, но и то, что онъ можетъ быть еще сдѣлаетъ и, наконецъ, само общество заботится о томъ, чтобы не было злоупотребленія именемъ ученаго или художника. Въ этомъ случаѣ къ огражденію, предоставляемому закономъ ученому или художнику, присоединяются еще выгоды, добровольно доставляемыя самимъ обществомъ.

Изобрѣтатель же находится въ діаметрально противоположныхъ условіяхъ. Изобрѣтеніе оцѣнивается только само по себѣ и по степени его полезности, къ самому же изобрѣтателю никто не имѣетъ ни малѣйшаго интереса. Такъ какъ хорошія подражанія изобрѣтенія имѣютъ такое же достоинство, какъ и произведенія самаго изобрѣтателя, то всякій искусный или болѣе богатый поддѣльватель можетъ нанести изобрѣтателю тяжкій ущербъ, если законъ не ограждаетъ его отъ поддѣлки его изобрѣтенія.

Охраненіе изобрѣтеній имѣетъ совершенно ту же цѣль, какъ и охраненіе въ области литературы и искусства; для изобрѣтателя же оно несравненно важнѣе и необходимѣе, чѣмъ для ученаго и художника, такъ какъ онъ, собственно какъ изобрѣтатель, не пользуется признательностью общества,

и вся дѣятельность его направлена исключительно только на извлеченіе пользы изъ своего изобрѣтенія.

Противники охраны изобрѣтеній, признающіе необходимость изобрѣтеній для культурнаго развитія полагаютъ, какъ мы уже замѣтили выше, что и безъ всякаго огражденія изобрѣтенія будутъ появляться по мѣрѣ надобности въ нихъ; далѣе, что при общемъ образованіи всякій спеціалистъ имѣетъ достаточно способностей самъ сдѣлать такое изобрѣтеніе, которое покажется ему необходимымъ, и что наконецъ инициатива, естественно принадлежащая изобрѣтателю, вполне достаточно для вознагражденія его усилій.

Что касается первой части этой аргументаціи, т. е. легкости, съ которою дѣлаются изобрѣтенія, то, по нашему мнѣнію, она уже достаточно разобрана выше. По отношенію же къ инициативѣ изобрѣтателя слѣдуетъ замѣтить, что, въ большинствѣ случаевъ, дѣйствіе ея прекращается тотчасъ же послѣ того, какъ изобрѣтеніе окажется пригоднымъ и будетъ принято, несмотря на нѣкоторые предразсудки; но именно только съ этого момента изобрѣтатель и можетъ рассчитывать на барышъ. Инициатива, въ самомъ дѣлѣ, доставила бы выгоду, если бы публика всегда была въ состояніи отличить дурную работу отъ хорошей. Но это имѣетъ мѣсто весьма рѣдко, обыкновенно же ошибка замѣчается только послѣ неоднократно повторившагося горькаго опыта; но и тогда, въ большинствѣ случаевъ, истинною причиною разочарованія признается не дурное выполненіе изобрѣтенія, а оно само отвергается, какъ никуда негодное.

Изобрѣтатель знаетъ, что его изобрѣтеніе приобрѣтаетъ полную цѣну только при безупречномъ исполненіи, и поэтому приступаетъ къ выбору матеріала и къ самой обработкѣ его съ величайшею добросовѣстностью. Конкуррентъ, напротивъ того, старается подкупить публику низкими цѣнами и, поэтому, для того, чтобы получить одинаковую выгоду съ изобрѣтателемъ, долженъ искать сбереженій при заготовкѣ матеріаловъ и на рабочей силѣ. Конечнымъ результатомъ такого образа дѣйствія является, какъ уже сказано, обманываніе публики, которое ведетъ къ тому, что изобрѣтеніе вполне отвергается. Такимъ образомъ, помимо естественнаго убытка

Р. С.

отъ конкуренціи, изобрѣтатель долженъ испытать еще несравненно большій ущербъ, а именно убѣдиться, что отвергается принятіе его изобрѣтенія. Въ этомъ заключается причина того, что дѣйствительно драгоцѣнныя изобрѣтенія одной страны нерѣдко получаютъ столь дурную славу въ другой, что ими вовсе не пользуются.

Мнѣніе, что необходимыя для культурнаго развитія изобрѣтенія появляются и безъ охраненія ихъ—остается поэтому не доказаннымъ; болѣе того, факты вполнѣ ему противорѣчатъ.

Совершенно естественно, что сообщенія наиболѣе распространенныхъ техническихъ періодическихъ изданій посвящены, главнымъ образомъ, новымъ изобрѣтеніямъ, и понятно, что на первомъ планѣ выставляются изобрѣтенія своей же страны. Если разсмотрѣть содержаніе американскихъ, англійскихъ и французскихъ журналовъ, какъ напримѣръ: *Scientific American*, *American Artizan*, *Engineer*, *Engineering*, *Mechanics Magazine*, *Génie industriel* и т. д., то окажется, что едва 3—5% изъ общаго числа публикуемыхъ ими изобрѣтеній иностраннаго происхожденія. Напротивъ того, русскіе технические журналы принуждены помѣщать болѣе 90% иностранныхъ изобрѣтеній для того, чтобы имѣть только возможность существовать.

Никто не станетъ отрицать, что эти цифры возбуждаютъ серьезныя размышленія; они показываютъ, что потребность въ новыхъ изобрѣтеніяхъ въ Россіи удовлетворяется самими русскими едва на 10%. Но такъ какъ изобрѣтательская способность русскихъ не подлежитъ сомнѣнію, то это явленіе можетъ быть объяснено только тѣмъ, что недостаточность охраны изобрѣтеній въ Россіи парализуетъ стремленіе изобрѣтателей.

Конечно, ни съ какой стороны нельзя отрицать, что поощреніе новыхъ изобрѣтеній соотвѣтствуетъ общимъ интересамъ культуры, но только часто не хотятъ допустить необходимости охраны изобрѣтеній въ видѣ поощряющаго средства, и, кромѣ того, полагаютъ, что охрана совершенно бесполезна для изобрѣтателя и вредна для общества.

Что касается бесполезности охраны для изобрѣтателя, то слѣдуетъ замѣтить, что государство должно формулировать

~~259~~

законъ такимъ образомъ, чтобы онъ отвѣчалъ всѣмъ послѣдствіямъ охраны; если тогда охрана не будетъ предоставлять изобрѣтателю желанной выгоды, то никто не обязанъ заботиться о немъ. Впрочемъ, практика Америки, Англіи и Франціи доказываетъ, что изобрѣтатели, пользуясь такою совершенно для нихъ, по мнѣнію многихъ, бесполезною охраною, чувствуютъ себя весьма хорошо. Денежный барышъ отъ эксплуатаціи изобрѣтенія обусловливается, главнымъ образомъ, потребностью времени; тотъ, кто не обращаетъ на это должнаго вниманія, не имѣетъ права жаловаться на недостаточный успѣхъ. Никому не можетъ прійти въ голову требовать такого закона, который обязывалъ бы публику непременно покупать предлагаемое изобрѣтеніе.

42367
Если охраненіе изобрѣтеній не поощряетъ изобрѣтательской дѣятельности, то оно должно или тормазить ее, или же не оказывать на нее никакого вліянія. Мнѣніе, что охраненіе изобрѣтеній не производитъ никакого вліянія, никогда еще не было высказываемо, и поэтому оно можетъ быть обойдено молчаніемъ; оно лучше всего опровергается тѣмъ споромъ по этому вопросу, который длился за границей въ теченіе многихъ лѣтъ. Если охраненіе изобрѣтеній тормозитъ изобрѣтательскую дѣятельность, то конечно въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ такого охраненія не существуетъ, какъ на примѣръ въ Голландіи и въ Швейцаріи, эта дѣятельность должна быть поставлена въ особенно выгодныя условія; однакъ, техническая литература этихъ странъ показываетъ, что число дѣлаемыхъ въ нихъ изобрѣтеній самое ничтожное.

Опытъ, слѣдовательно, подтверждаетъ, что въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ охраненіе изобрѣтеній предоставляется свободно и производится въ широкихъ размѣрахъ, и гдѣ права изобрѣтателей надежно охраняются закономъ, появляется наибольшее число изобрѣтеній, и что, наоборотъ, страны, въ которыхъ нѣтъ охраненія изобрѣтеній или это охраненіе недостаточно, производятъ наименьшее число изобрѣтеній. Если признать существованіе причинной связи между этими фактами, то нельзя не прійти къ заключенію, что охраненіе изобрѣтеній является необходимымъ въ интересахъ общества.

Полагаю, что сказаннаго совершенно достаточно для мо-

ПОЛУЧЕНО
~~15323~~

СВЯЖУТЕ
Комитета п
деламъ Изобрѣт
Сентября

тированія цѣлесообразности охраненія изобрѣтеній (хотя и можно было бы привести въ пользу такой охраны еще много другихъ доводовъ и опровергнуть, вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣ остальные аргументы, обыкновенно приводимые противниками привилегій на изобрѣтенія), но считаю умѣстнымъ привести здѣсь также то заключеніе, къ которому пришелъ Вѣнскій международный конгрессъ по вопросу о привилегіяхъ на изобрѣтенія относительно необходимости охраны изобрѣтеній.

Принятая означеннымъ конгрессомъ резолюція формулирована слѣдующимъ образомъ:

„Охраненіе изобрѣтеній должно входить въ законодательства всѣхъ цивилизованныхъ націй:

а) „потому, что чувство справедливости, присущее цивилизованнымъ націямъ, требуетъ законной защиты умственного труда;

б) „потому, что такое охраненіе, подъ условіемъ полнаго опубликованія описанія изобрѣтенія, представляетъ единственное, практически-дѣйствительное средство для приведенія во всеобщую извѣстность новыхъ техническихъ идей—въ достойномъ видѣ и безъ потери времени;

в) „потому, что при обезпеченіи права собственности на изобрѣтенія—трудъ изобрѣтателя вознаграждается и обезпеченіе это поощряетъ способныя силы жертвовать своимъ временемъ и средствами для практическаго примѣненія и введенія въ употребленіе новыхъ и полезныхъ техническихъ методовъ и приспособленій, или же привлекаетъ къ тому иностранные капиталы, которые, безъ такого обезпеченія, искали бы и находили болѣе надежное помѣщеніе;

г) „потому, что чрезъ обязательное и полное опубликованіе составляющихъ предметъ привилегій изобрѣтеній, значительно сокращаются тѣ большія жертвы временемъ и деньгами, которыхъ, въ противномъ случаѣ, стоило бы техническое примѣненіе ихъ промышленности всѣхъ странъ;

д) „потому, что при обязательномъ обнародованіи изобрѣтеній, фабричныя секреты, наиболѣе тормозящіе техническій прогрессъ, теряютъ почву;

е) „потому, что страны, въ которыхъ не существуетъ ра-

ціонального закона о привилегіяхъ, терпятъ большой ущербъ отъ того, что талантливья ихъ силы обращаются туда, гдѣ трудъ ихъ находитъ себѣ законное охраненіе;

ж) „потому, что, какъ извѣстно изъ опыта, владѣльцы привилегій наиболѣе дѣятельно заботятся о скорѣйшемъ введеніи своихъ изобрѣтеній въ употребленіе.“

Такимъ образомъ, все приводитъ насъ къ тому, что на вопросъ: „представляется ли обезпеченіе за изобрѣтателемъ исключительнаго права собственности на сдѣланное имъ изобрѣтеніе справедливымъ и полезнымъ,“ — слѣдуетъ отвѣчать утвердительно.

